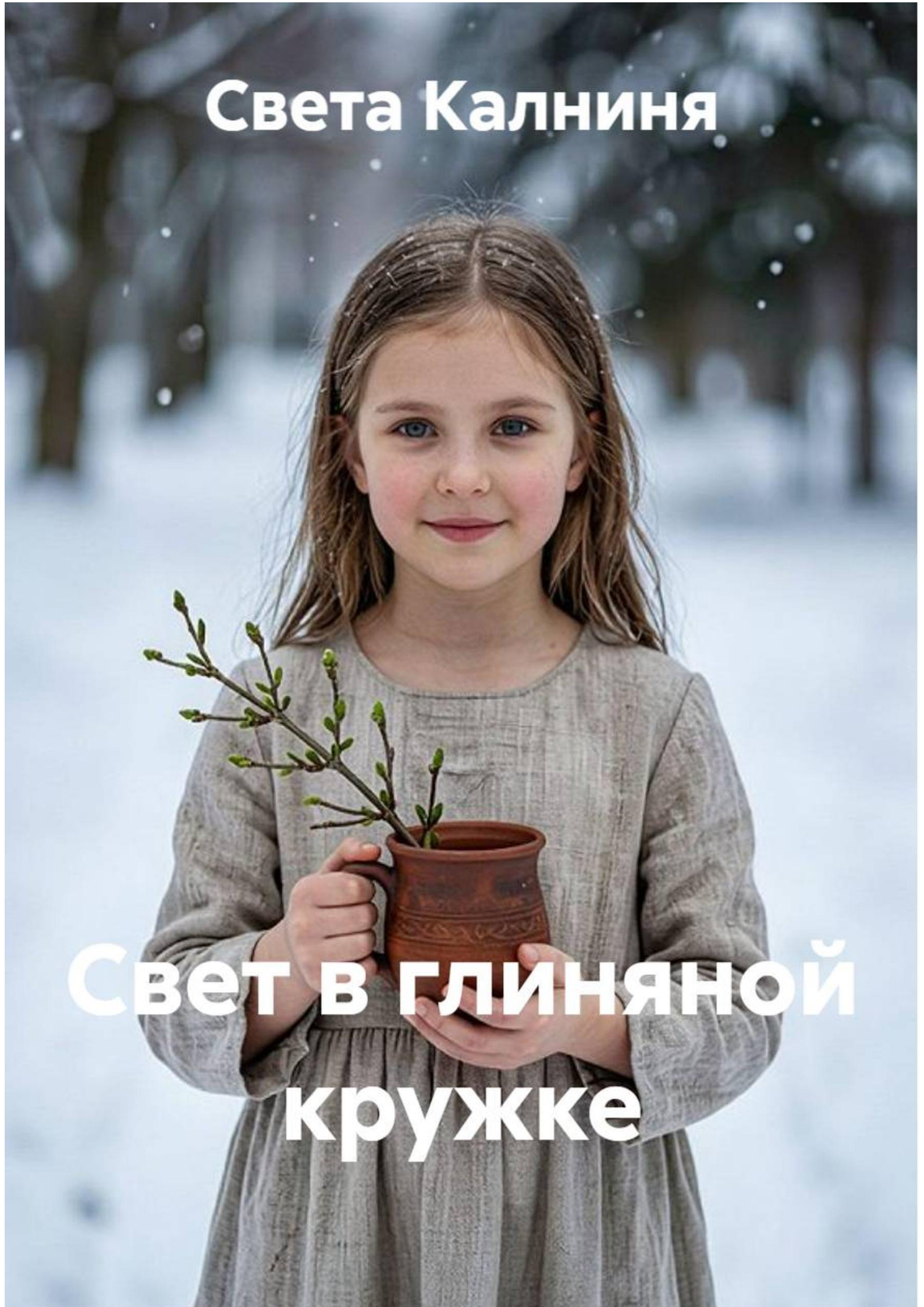

A young girl with long brown hair and blue eyes, wearing a grey dress, holds a small potted plant in a snowy forest. The background is a soft-focus winter scene with snow-covered trees and ground. The girl is looking directly at the camera with a gentle smile. The plant she holds is a small branch with green buds, growing out of a brown ceramic pot.

Света Калниня

**Свет в глиняной
кружке**

Света Калниня

Свет в глиняной кружке

«Автор»

2026

Калниня С.

Свет в глиняной кружке / С. Калниня — «Автор», 2026

Мать обошла весь мир и взяла клятву со всего, что может убить её сына. Всё поклялось — кроме одной маленькой безобидной ветки. И когда-нибудь это упущение станет роковым. Повесть о том, как самое маленькое и безобидное разрушает самое светлое — и как одна девочка с веткой омелы в глиняной кружке пытается вернуть миру тепло.

© Калниня С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Света Калниня

Свет в глиняной кружке

Глава 1

Бэлу снилось дерево.

Не то дерево, что стояло у отчего порога — старый ясень с дуплом, в котором мальчишкой он прятал бронзовые броши матери. Не то, что росло у храма в Асгарде, — с серебряными листьями и стволом цвета кости. Нет. Это дерево было другое. Оно стояло посреди белой пустоты — без неба, без земли, без ветра — и было живым, тёплым, и от него исходил свет, похожий на свет летнего солнца сквозь льняную ткань.

Бэл подошёл ближе. Кора была гладкой и тёплой, как кожа спящего ребёнка. Он положил ладонь на ствол — и дерево вздрогнуло. Не от ветра. Не от прикосновения. Оно вздрогнуло так, как вздрагивает живое существо, которое узнаёт руку, что его погубит.

Потом дерево стало прозрачным. Бэл увидел, что внутри ствола — пустота. И в этой пустоте что-то росло. Что-то зелёное, маленькое, с белыми ягодами, похожими на капли воска. Омела. Он знал это слово, не помнил откуда. Омела. Она росла внутри дерева, как тайная болезнь, как нежность, которая убивает.

Потом дерево упало. Без звука. Без ветра. Просто — упало. И Бэл проснулся.

Он лежал в своей палате, и потолок над ним был из тёсаных досок, и от очага тянуло дымом и запахом хлеба, и всё было как всегда — кроме одного: он не мог заставить себя подняться.

Бэл Прекрасный — так его звали. Бэл Светлый, Бэл Добрый, сын Всеотца и Фриды, любимец богов и людей, тот, чьё лицо светилось так, что ночь отступала от него на три шага. Так говорили. Так было. Но утром, после того сна, свет в нём словно померк — не угас, нет, а стал тише, осторожнее, как свеча, которую заслонили ладонью от сквозняка.

Он поднялся. Оделся. Платье из льна, поверх — полотняный плащ, застёжка из светлого серебра. Бронзовое зеркало у входа показало лицо, которое он не узнал сразу: то же лицо, тот же прямой нос, те же глаза цвета зимней воды, но в них — тень. Будто кто-то провёл пальцем по чистой странице и оставил след.

«Это сон, — сказал он вслух, — всего лишь сон».

Голос его звучал чуждо в пустой палате.

Зал для пиршеств в Асгарде в утренние часы был пуст и тих. Доски столов ещё не были накрыты, факелы дотлевали до последних углей, и только один бог сидел на скамье — Хок, слепой брат Бэла, и слушал, как тлеет огонь.

Хок был старше. Хок был силен. Хок был слеп от рождения и никогда не видел лица Бэла — но знал его по голосу, по теплу, по запаху льна и светлого серебра. Он поднял голову, когда брат вошёл.

— Ты ступаешь иначе, — сказал Хок.

— Иначе — как?

— Тише. Будто боишься сломать пол.

Бэл сел рядом. Скамья была холодной, но от Хока шло тепло — большое, медвежье, неуклюжее тепло, которое он помнил с детства, когда Хок носил его на плечах по двору и не ронял, хотя спотыкался о каждый камень.

— Мне снилось дерево, — сказал Бэл.

— Деревья снятся всем.

— Это дерево падало.

Хок помолчал. Его незрячие глаза повернулись к брату, и Бэл увидел в них — или ему показалось — то же, что видел в зеркале. Тень. Будто слепой тоже что-то узнал.

— Расскажи матери, — сказал Хок.

Фрида сидела в своей светлице, в зале, где потолок был соткан из перьев, и стены были белые, и воздух пах рожью и мёдом. Она пряла — веретено в пальцах, нить — тонкая, серая, бесконечная. Фрида знала судьбы, но не говорила о них. Это была её цена: знать — и молчать.

Когда Бэл вошёл и рассказал о дереве, о пустоте внутри ствола, о зелёном ростке с белыми ягодами, веретено не остановилось. Нить не дрогнула. Лицо Фриды не изменилось. Только пальцы, державшие пряжу, побелели чуть сильнее — но кто заметил бы это, если не тот, кто с детства наблюдал за руками матери?

— Это просто сон, — сказала Фрида.

Она сказала это тем голосом, каким говорят «это просто сон», когда знают, что это не сон.

— Мама.

— Да, мой светлый.

— Ты что-то знаешь.

Веретено остановилось. Фрида посмотрела на сына — и Бэл увидел в её лице то, что видят дети в лицах матерей в тот миг, когда впервые понимают, что матери боятся. Не за себя. За них.

— Я ничего не знаю, — сказала Фрида. — Но я кое-что сделаю.

Что сделала Фрида — о том в Асгарде узнали не сразу.

Она вышла из светлицы на рассвете, когда все спали, и пошла — не по дороге, а по росе, по траве, по тёмной земле, которая ещё помнила ночь. Она шла и говорила. Негромко, почти шёпотом, но в этом шёпоте была власть — древняя, довременная, та, что была прежде богов и прежде слов.

Она говорила с железом, и железо обещало. Она говорила с камнем, и камень обещал. Она говорила с огнём, и огонь обещал. Она говорила с водой — и вода, которая никогда ни в чём не клянётся, обещала тоже, потому что просила Фрида, а Фрида не просила никогда.

Она обходила мир. Все вещи в мире — большие и малые, живые и мёртвые, тёплые и холодные — она спрашивала каждую: не причинишь ли ты зла моему Бэлу? И каждая вещь отвечала: нет, не причиню. И Фрида шла дальше.

Копьё обещало. Меч обещал. Стрела обещала. Яд обещал. Зверь обещал. Змей обещал. Мороз обещал. Болезнь обещала. Все обещали.

Она обошла мир за девять дней и девять ночей. Она устала так, что волосы её, обычно белые и блестящие, как первый снег, стали серыми, как зола. Но когда она вернулась в светлицу, она улыбнулась — впервые за девять дней — и сказала служанке:

— Теперь он в безопасности. Ничто в мире не посмеет его ранить.

Служанка спросила:

— Всё ли в мире дало тебе слово?

Фрида помолчала.

— Нет, — сказала она. — Я не спросила одну вещь. Омелу, что растёт на дубе у ворот Асгарда. Она такая маленькая, такая мягкая, такая безобидная — что вреда от неё не будет. Я не стала спрашивать. Зачем спрашивать у того, кто не может причинить зла?

Служанка кивнула. Фрида легла спать. Веретено снова закрутилось.

И ничего не изменилось — пока не изменилось всё.

Бэл не знал, что сделала мать. Но он почувствовал, что мир вокруг стал другим — мягче, теплее, безопаснее, будто кто-то снял с него холодное покрывало. Сны перестали приходить. Дерево больше не падало. Он снова спал без сновидений и просыпался с ясной головой, и свет в его лице снова разгорелся, как костёр после дождя.

Боги заметили это первыми. Они заметили, что Бэла нельзя ранить. Один метнул копье — оно отвернулось в полёте. Тор ударил молотом — молот лёг мягко, как ладонь. Хок бросил камень — камень отклонился и упал в траву.

Это стало игрой. Боги смеялись и бросали в Бэла всё, что находили: мечи и ножи, палки и камни, и стрелы, и колья — и всё отскакивало, всё уклонялось, всё ложилось к его ногам, как подношения. Бэл стоял в центре двора, и в глазах его была растерянность, потому что он не понимал, почему мир вдруг стал так добр к нему — и от чьего имени.

Он не знал, что это мать ходила девять дней по росе и собирала клятвы. Он не знал, что одна клятва не была взята. Он не знал про омелу — про маленький зелёный росток с белыми ягодами, что рос на дубе у ворот.

А кто-то — знал.

Локи пришёл в светлицу под видом путницы — старой, сторбленной, в тёмном плаще, с посохом. Он умел приходить под любым видом, и никто не узнавал его, потому что он менялся не только снаружи — он менялся изнутри, и даже боги, видящие дальше людей, не видели дальше его маски.

— Что празднует Асгард? — спросила путница у служанки, что чинила платье у входа.

— Бэла, — ответила служанка. — Его нельзя ранить. Фрида взяла клятву со всего мира.

— Со всего?

— Со всего. С железа, с камня, с огня, с воды — со всего, что может причинить вред.

— А со всего ли?

Служанка прищурилась. Старуха спрашивала слишком настойчиво для простой путницы.

— Я слышала, госпожа не спросила одну малость. Омелу, что на дубе у ворот. Сказала — слишком мала, чтобы вредить.

Путница кивнула. Поблагодарила. Ушла.

И когда она отошла от светлицы на три полёта стрелы, она выпрямилась, и плащ стал переливчатой тканью, и посох стал змеей и ускользнул в траву, и лицо — лицо Локи, хитрое, тонкое, печальное — проступило из-под маски, как проступает вода из-под льда весной.

Локи не улыбался. Он стоял один посреди поля, и ветер трепал его тёмные волосы, и в глазах его было то, что бывало в них всегда — и чего не было ни у одного другого бога: досада. Не злость, не ненависть — досада. Досада на то, что мир устроен не так, как ему хочется. Досада на то, что Бэл любим, а он — нет. Что Бэлу светят, а он — в тени. Что мать Бэла обошла мир ради сына, а его собственная мать — нет.

Это не было ненавистью. Это было хуже. Это было равнодушием, которое научилось говорить.

Локи пошёл к дубу у ворот Асгарда.

Омела росла высоко — на толстой ветке, меж коры и лишайника. Маленький куст, тонкий, гибкий, с белыми восковыми ягодами, похожими на капли застывшего молока. Локи сорвал её. Ножом отделил стебель и сделал из него стрелу — короткую, тонкую, без оперения. Рукоять — гладкая. Наконечник — из дерева, из того самого стебля. Одна стрела. Маленькая. Безобидная, как сказала бы Фрида.

Он повертел её в руках. Она была лёгкой — легче тростинки. Она пахла лесом и горечью. Она не казалась опасной. Но Локи знал — а Локи всегда знал — что самое опасное в мире то, чего не считают опасным.

Он спрятал стрелу в рукав и пошёл во двор, где боги всё ещё играли в свою игру — бросали и бросали в Бэла всё подряд, и всё отскакивало, и Бэл стоял и смеялся, и свет в его лице был так ярок, что казалось — это не он освещает мир, а мир освещает его.

Локи подошёл к Хоку.

Хок стоял в стороне. Он не бросал ничего — не мог бросить, не видел, куда целить. Он слушал смех брата и смех богов и молчал, и в молчании его была такая тишь, что даже Локи почувствовал укол — острый, мимолётный, как от той самой стрелы.

— Хок, — сказал Локи. — Почему ты не бросаешь?

— Я слеп, — сказал Хок. — Я не вижу Бэла.

— Я дам тебе то, что попадёт.

— Всё попадает. Всё отскакивает.

— Это — попадёт иначе.

Хок не спрашивал. Хок верил. Хок был слеп от рождения и верил тому, кто говорил ему слова, потому что без веры слепой — один, а с верой — нет.

Локи вложил стрелу в его руку.

Хок натянул тетиву. Он не видел неба, не видел двора, не видел брата. Он слышал смех — и целился в смех, как целился бы в голос родного человека на тёмной дороге.

Тетива звенит. Стрела летит.

И Бэл — Бэл Прекрасный, Бэл Светлый, Бэл Добрый — падает.

Звук был — как когда ломается ветка. Не треск, не грохот — тихий, сухой звук, после которого мир становится другим. Боги замолкают. Скамьи стихают. Факелы гаснут — один за другим, как свечи, задутые не ветром, а тишиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.